и в то же время не игнорирует ни один из опытов. Авторская позиция у Чехова является, таким образом, неким единством, включающим множество смыслов, разных направлений. Нам представляется, что применительно к «событию мира Чехова» более всего было бы точно понятие противоречивого диалогизма, а не полифонизма.

Под противоречивым диалогизмом мы понимаем дуализм разных начал, общую онтологическую и аксиологическую незавершённость и незамкнутость бытия и познания, исключающую саму возможность существования авторитета, полного, непротиворечивого, гармонически воплотившего все стороны опыта знания, дискредитирующую принцип единой, «конечной» системы ценностей.

Список литературы

1. *Кубасов А.В.* Рассказы А. П. Чехова: поэтика жанра: Учебное пособие. – Свердловск, 1990.
2. *Чехов А.П.* Собрание сочинений: В 12 т. / Сост. и общая ред. М. Ерёмина, М., 1983, Т. 8.

Т.А. Арсёнова*
УрГУ

Борис Рыжий как поэт-хулиган в читательском восприятии

…Да, наверное, все это дым без огня,
да, актерство: слоняться,
дышать перегаром.
Но кого ты обманешь! А значит, недаром
в приисковом поселке любили меня.
Борис Рыжий

После смерти Б. Рыжего (1974–2001) количество воспоминаний о нем, рецензий на его творчество, различных заметок и статей появилось великое множество. Трагическая гибель поэта (Б. Рыжий повесился) привлекла всеобщее внимание, постепенно стал оформляться его образ, который можно обозначить так: «уральский Есенин». Это обозначение, по всей видимости, уже превращается в штамп и кочует в прессе из издания в издание. К примеру, мы находим его в статье «Комсомольской правды» под названием «Он говорил языком шпаны и зэков…» [Чирков 2008: 16], опубликованной в день седьмой годов-

* © Арсенова Т.А., 2009.

щины гибели Рыжего. Автор публикации пишет: «Мы попытались уйти от штампованного образа “уральского Есенина, пьяницы и хулигана”» [там же], т. е. ставит задачу пойти по пути от мифа – к реальности, сталкивая субъективные представления о Борисе Рыжем и факты его биографии, за которыми автор статьи обратился к сестре поэта Ольге Рыжей и «другу и старшему наставнику» – Алексею Кузину.

В интервью Ольга Рыжая говорит: «Ведь многие знают не его, а только образ – уральский Есенин, поэт, пьяница и хулиган. <…> Брат (Борис Рыжий. – *Т.А.*) такие сборища на дух не переносил. Но ведь говорят, что знали его, выпивали с ним, рассказывают, что он компанейский парень, хоть и хулиган. Пусть так, но хулиганом он не был» [там же].

Источник расхожего представления о Рыжем как о хулигане-пьянице найти, оказывается, несложно: *алкогольную» тему* сам поэт продуцирует из стихотворения в стихотворение. Вот некоторые цитаты: «Прошел запой, а мир не изменился…» [Рыжий 2006: 224], «В сырой наркологической тюрьме, / куда меня за глюки упекли…» [там же: 226], «В ларьке на любой остановке / на деньги двух честных зарплат / возьмем три заморских литровки, / окажется – злой суррогат» [Рыжий 2003: 175], «Когда я выпью и умру, / сирень качнется на ветру…» [Рыжий 2000: 46], «…живет поэт и критик Борька Рыжий. / Живет худой, обросший, одинокий, / изрядно пьющий водку…» [Рыжий 2003: 164], «Я помню все, хоть многое забыл, – / разболтанную школьную ватагу. / Мы к Первомаю замутили брагу, / я из канистры первым пригубил» [там же: 246] и др.

В. Радзишевский в рецензии на посмертный сборник стихотворений Б. Рыжего «Стихи. 1993–2001» отмечает: «Водка и вино, на худой конец, пиво поглощаются, скажем осторожно, лирическим двойником автора и его кентами жадно и повсеместно: от случая к случаю – в разлюбезном Ленинграде-Петербурге, заносчивой Москве, неприветливой Тюмени, щедром и бестолковом Пушкиногорье, смутном фестивальном Роттердаме…» [Радзишевский 2004: 214].

Воспоминания, посвященные Рыжему, также довольно часто содержат в себе сюжеты, связанные с выпивкой. Например, короткая заметка из дневника Алексея Кузина: «31 марта 2000. Встретил Ирину Князеву (жена Б. Рыжего. – *Т.А.*), она сказала, что Б.Р. живет у родителей, так как пил, потом неделю не пил, а сейчас снова пьет. У нас не был давно, с 4 марта» [Кузин 2004: 88].

В прозе non-fiction «Премия “Мрамор”» поэта и друга Б. Рыжего Олега Дозморова встречаем историю из их поездки в Петербург: «Через два часа звонит Кушнер и спрашивает у Миши (Михаил Окунь. –

Т.А.) официально: “Михаил Евсеевич? Добрый день, говорит Кушнер. Вы курируете Рыжего?” – “Да, вроде как я, Александр Семенович”, – отвечает слегка обалдевший Миша. “Вы не могли бы приехать, – голос стал тревожным и тонким. – Видите ли, Боря, по-видимому, где-то выпил и пришел уже, так сказать, на взводе или, что называется, под мухой. А я купил бутылку водки, не предполагая… В общем, тут нужны двое крепких мужчин, нам с Леной не справиться”…» [Дозморов 2006: 147–148].

Приведенные выше цитаты служат примером того, как мотив выпивки в творчестве и некоторые факты биографии Б. Рыжего сопрягаются и «сворачиваются» в «формулу» [см.: Загидуллина 2002] образа поэта, в некий стереотип, появляющийся по законам складывания литературных феноменов, о чем пишут исследователи в области рецептивного литературоведения, в частности М.В. Загидуллина.

Дмитрий Сухарев в рецензии на один из сборников Бориса Рыжего для сравнения приводит рядом два высказывания о поэте: «Он обладал неуловимой зэковской пластикой, приблатненной походкой и агрессивной манерой выражаться» (автор не указывается) и – «Сухощавый, элегантный, мнительно самолюбивый, как молодой Д’Артаньян, и в то же время приветливый, он был обаятелен и хорош собой» [Сухарев 2004: 173] (это слова Сергея Гандлевского). Д. Сухарев склонен согласиться со вторым описанием Рыжего, потому как «портретистом здесь выступил поэт, для кого внешнее освещено сущным – стихами».

В данном случае оказывается важна наметившаяся «точка соприкосновения» читательской аудитории с поэтом: Б. Рыжий не воспринимается как некто недостижимый, возвышенный, наоборот – для читателя он «свой парень», эдакий простецкий, приблатненный дворовый пацан, с которым всегда можно было выпить. Подобная возможность «сближения» с автором, которой подспудно жаждет адресат, априори является источником мистификаций, «правдоподобных» вымыслов, постепенно формирующих *образ поэта*, ибо «в основе каждого мифа (а феномен Б. Рыжего устремлен к мифотворению. – *Т.А.*) лежит искажение фактов по законам редукции и упрощения, а также их подгонка под определенные сценарии и схемы» [Загидуллина 2002: 26].

Но в первую очередь хулиганский облик Рыжего создает его *особый поэтический язык*: «Для него было органично говорить языком низов – шпаны и зэков», – рассказал в интервью А. Кузин, вслед за которым читаем реплику Ольги Рыжей: «Мой брат описывал жизнь, какая она есть. <…> Он любил, действительно любил простых людей,

которых можно встретить на улице или во дворе. Ему было интересно их отношение к миру…» [Чирков 2008: 16].

При знакомстве с лирикой Бориса Рыжего сразу же бросается в глаза то, что он «приводит» в поэзию лексику сниженную (просторечную и разговорную), часто и бранную, включает в свои стихотворения жаргонизмы и даже воровское арго. Например: «Только справа соседа *закроют*, *откинется* слева…» , «В том доме жили *урки*…». Поэтический дискурс Рыжего строится на различных видах контрастов (стилистическом, жанрово-стилистическом и на контрасте интертекста с собственно текстом). Но при всей столь явной и смелой языковой игре автор не теряет чувства вкуса и знания нормы: Б. Рыжему не свойственна вычурность, спорящие друг с другом форма и содержание в его лирике выливаются в гармоничное целое, чего способен достичь действительно талантливый автор. Это свойство поэзии Рыжего часто отмечается в критике: Алексей Кокотов пишет, что «…вообще очень мало кому удавалось сделать “сниженную” лексику в стихе сколько-нибудь выразительно. Примеры неудач здесь – бесчисленны, удач – единичны. <…> Добавляя к языковому снижению яркую образность и музыку, Рыжий, кажется, набрел на новую гармонию» [Кокотов 2000: 155].

Однако читательское сознание в массе своей «требует» уплощенности, однолинейности толкований и единого, непротиворечивого смысла, поэтому в выявленной оппозиции «высокого» и «низкого» оно стремится запечатлеть прежде всего сниженное. Языковые единицы со сниженной окраской выступают маркерами социальной принадлежности. Общность языка поэта и толпы в данном случае создает иллюзию того, что Б. Рыжий – «один из». Такое стремление читательской массы к стиранию дистанции, как указывала М.В. Загидуллина, объясняется «скрытой или явной потребностью масс “обладать”» объектом мифологизации, потребностью «всемерного “приближения” его к себе» [Загидуллина 2002: 30].

Но сближение поэта с толпой оказывается мерцающей иллюзией: Рыжий со всеми – и ни с кем. Как пишет критик Л.П. Быков, Борис Рыжий бравирует знанием дворовой лексики, «тут опять-таки не модное ныне стремление к эпатажу – просто дворовый сленг связует того, кто *в натуре поэт* (курсив автора. – *Т.А.*), с теми, кто иных слов, кроме “чмо”, “шобла”, “мочи его”, не знает, не понимает. Это общий язык автора с теми, с кем его уже ничего не роднит – кроме памяти и языка» [Быков 2007: 211]. Поэт как бы одновременно находится по обе стороны оппозиции.

Итак, «формулы» образа поэта Бориса Рыжего таковы: это – дворовый пацан-хулиган, но в то же время говорящий на языках различных культур (на языке улицы, подворотни – и на языке культуры, культурной памяти). Было бы вполне правомерно сказать, что здесь мы выходим к вопросу о формировании в поэзии Рыжего «авторской маски»[15], послужившей основой для складывания мифа о поэте в массовом сознании.

Автор большого эссе «Поэт Борис Рыжий. Постижение ужаса красоты» Юрий Казарин пишет: «Борис как поэт, учащийся быть человеком, мучительно выбирал и строил свой тип творческого поведения: поэт-аристократ … трансформировался в поэта-скандалиста (многие оценивали бытовое поведение Бориса как есенинское), оставаясь, несмотря ни на что, поэтом-отшельником» [Казарин 2004: 527]. Бытовое и «окололитературное» поведение Рыжего, как видим, сыграло немаловажную роль в рецепции образа поэта. В своем Интернет-дневнике драматург Николай Коляда, работавший вместе с Рыжим в журнале «Урал», вспоминает: «Если честно: он в жизни был очень злым, бессердечным человеком. Мало того: он был очень грубым, жестоким человеком в общении. Всегда» [Kolyadnik 2009].

Будучи мастером мистификаций и творческих перевоплощений, вживаний в придуманную им «шкуру» героя, Рыжий постоянно творил свой поэтический образ, в чем признавался сам неоднократно: «Мой герой ускользает во тьму. / Вслед за ним устремляются трое. / Я придумал его потому / что поэту не в кайф без героя. / Я его сочинил от уста- / лости, что ли, еще от желанья / быть услышанным, что ли, чита- / телю в кайф, грехам в оправданье. / Он бездельничал, “Русскую” пил, / он шмонался по паркам туманным. / Я за чтением зренье садил / да коверкал язык иностранным» [Рыжий 2006: 183]. Но кроме того, известны случаи «мифотворчества в жизни», когда Борис Рыжий намеренно распространял о себе выдуманную информацию, довершающую его образ дворового пацана-хулигана. Например: «Через всю левую щеку Бориса шел крупный рваный шрам. Борис Петрович (отец Б. Рыжего. – *Т.А.*) посетовал: пишут теперь всякие журналисты (по некоторым источникам – со слов самого Рыжего. – *Т.А.*), что получил он его в бандитских разборках, а на самом деле трехгодовалым малышом тащил стеклянную банку, упал, банка разбилась…» [Окунь 2007].

«Хулиганское» авто-мифотворчество Б. Рыжего в жизни и тексте не остается без внимания критиков, постоянно подвергается по-

[15] Авторская маска – в постмодернизме образ автора, намеренно разыгрывающий читателя и высмеивающий условности литературы [см. подробнее: Зап. литературоведение 2004: 24].

пытке быть истолкованным, оцененным профессиональным читателем. Реальной поэт Борис Рыжий по воспоминаниям современников довольно часто не многим отличается от своего литературного героя, которого исследователь А. Машевский описывает так: «герой нашего автора – молодой житель провинциального города с его заводскими окраинами, неприкаянностью, разборками дворовой шпаны. У него и повадки такие, и чувства, и желания» [Машевский 2001: 174]. Понятие «маска» оказывается применимо не только к форме субъектной организации поэтических произведений Рыжего, но и к его поведению в жизни, к жизнетворчеству. Как отмечает Л.П. Быков, «Рыжий пишет не о себе – он себя пишет. <…> Свою миссию он видит именно в этом: личную ностальгию представить как мифологию куда более общего порядка» [Быков 2007: 211]. Рядом с этими словами становится понятно высказывание о Рыжем Русланы Ляшевой: «Антиэстетическая “маска” на самом деле оказалась лицом нашей эпохи» [Ляшева 2004].

В целом же, как известно, читательское восприятие склонно отождествлять лирического персонажа с голосом биографического автора. В применении к Рыжему сравнение с известным поэтом-хулиганом времен «Москвы кабацкой» – С. Есениным оказывается настолько подходящим и распространенным, что из формы устного слова переходит в форму слова напечатанного, публичного – и мы встречаем его уже на газетной полосе. В итоге о*браз поэта* Бориса Рыжего получает схожие очертания с *образом поэта* Сергея Есенина: это скандалист и хулиган. Читатель улавливает сходство образов и спешит вписать нового поэта в заданную парадигму. В ответ на это литературоведение и критика (граница между ними часто бывает размыта) пытается развеять это стереотипное, узкое представление о Борисе Рыжем и «выписать» его из общества Есенина. Попытка «счистить» «есенинский налет» была сделана, к примеру, А. Машевским: «Первое и, сразу замечу, ложное впечатление от стихов Рыжего – есенинщина…» [Машевский 2001: 174]. Но она сродни «борьбе с ветряными мельницами», ибо сложившийся феномен определенного автора бывает сильнее справедливого мнения специалиста.

Список литературы

1. *Kolyadnik. Борис Рыжий* // Живой журнал Николая Коляды [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://kolyadanik.livejournal.com/917514.html.
2. *Быков Л.П.* «Лица не пряча, сердца не тая» // Л.П. Быков. От автора: Книга не только о стихах. Екатеринбург, 2007.

3. *Дозморов О.* Премия «Мрамор». Non-fiction // Знамя. 2006. № 2.
4. *Загидуллина М.В.* Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): Автореф. дис. … доктора филол. наук. Екатеринбург, 2002.
5. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
6. *Казарин Ю.* Поэт Борис Рыжий. Постижение ужаса красоты // Б.Б. Рыжий. Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
7. *Кокотов А. А.* Sverdlovshire Lad: О книге Бориса Рыжего «И всё такое…» // Октябрь. 2000. № 11.
8. *Кузин А.* Следы Бориса Рыжего: Заметки из дневника. Екатеринбург, 2004.
9. *Ляшева Р.* Крылья с трудом волоча // Литературная Россия. 2004. № 1. 9 апреля.
10. *Машевский А.* Последний советский поэт: О стихах Бориса Рыжего // Новый мир. 2001. № 12.
11. *Окунь М.* К нам приехал Боря Рыжий: Попытка литературных воспоминаний // Проза Ру [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.proza.ru/texts/2007/07/06-161.html.
12. *Радзишевский В.* «...Я в мир пришел, чтоб навсегда проститься» [рецензия на сборник «Стихи. 1993–2001»] // Дружба народов. 2004. № 11.
13. *Рыжий Б.* И все такое…: Стихотворения. СПб., 2000.
14. *Рыжий Б.* Стихи. 1993–2001. СПб., 2003.
15. *Рыжий Б.Б.* Типа песня. М., 2006.
16. *Сухарев Д.* Поэзия Бориса Рыжего [рецензия на сборник «Стихи. 1993–2001»] // Знамя. 2004. № 12.
17. *Чирков С.* Он говорил языком шпаны и зэков… // Комсомольская правда. Екатеринбург, 2008. 7 мая.